

Тревога оказалась ложной, но Юэ Чэньтань лишь теперь почувствовал, как по спине пробежал холодок. Осознав, что от напряжения он весь взмок, юноша поспешно отогнал лишние мысли и помог Е Линьфэну устроиться поудобнее, чтобы тот мог отдохнуть.

Из-за чрезмерной потери духовных сил Е Линьфэн проспал всю ночь, несмотря на то что Юэ Чэньтань подпитывал его собственной энергией.

На следующее утро Е Линьфэн проснулся, сладко потянулся и открыл глаза. Вокруг него снова порхали призрачные бабочки, а на макушке подергивались лисьи ушки — его привычный облик вернулся. Однако, заметив в углу заброшенного храма связанного по рукам и ногам духа-оборотня ласки, он замер. Он был в полном недоумении.

— Это еще откуда взялось?

Юэ Чэньтань не смыкал глаз всю ночь, занимаясь медитацией. Заметив, что спутник очнулся, он негромко кашлянул и с едва уловимым сомнением в голосе спросил:

— Это же вчерашний дух-оборотень ласки. Господин Е, неужели вы совсем ничего не помните?

— Помню что? — Е Линьфэн растерялся еще сильнее. — Я что, спяну буянил?

Юэ Чэньтаню пришлось во всех подробностях восстанавливать события прошлой ночи: от внезапного помутнения рассудка до сломанного меча и того, как Е Линьфэн в одиночку разрешил все беды Оленьего города. Умолчал он лишь о нефритовой табличке — на это ему не хватило духу.

— Я?! — Е Линьфэн вытаращил глаза, тщетно пытаясь что-то вспомнить. Он побледнел. — Неужели я... натворил всё это?

— Вы были словно в трансе, — попытался успокоить его Юэ Чэньтань. — Словно лунатик. На мои слова вы отвечали невпопад, а порой и вовсе игнорировали.

— Быть не может. У меня сроду не было привычки бродить во сне, — Е Линьфэн с досадой ударил кулаком по стене и принялся мерить комнату быстрыми шагами. Мысль о том, что он на долгое время потерял контроль над собой и совершил столько необъяснимых поступков, приводила его в ужас.

Неужели это тот человек из «Божественной книги» начал действовать раньше срока?.. Нет, если бы это был он, как бы Линьфэн смог вернуться в сознание?

— Может, это Демонический почтенный семи отчаяний? — предположил Юэ Чэньтань, наблюдая за его метаниями. Заметив, как помрачнел Е Линьфэн, он подался вперед: — Господин Е, в прошлый раз, когда почтенный был рядом, вы тоже действовали против своей

воли из-за яда в крови.

Е Линьфэн резко остановился и втайне облегченно вздохнул.

Он стал слишком мнительным, совсем забыв, что Цицзюэ способен подавлять чужую волю с помощью магических насекомых. Удивительно лишь то, что демон умудрился проделать это, даже не показываясь поблизости.

Юэ Чэньтань, казалось, злился и тревожился больше самого пострадавшего. Он с такой силой ударил кулаком по низкому столику, что стоявшие на нем чарки подпрыгнули.

Е Линьфэн вовремя взял себя в руки. Не желая пугаться чужой ярости вместе с посудой, он, напротив, принялся утешать товарища:

— Господин Юэ, Демонический почтенный семи отчаяний настолько могущественен, что мы не заметили бы его ауры, даже если бы он стоял у нас за спиной. Скорее всего, он просто решил подшутить над нами, не замышляя ничего дурного. Спокойнее, спокойнее... Знаешь, мне казалось, что я видел сон, но теперь я уверен: сквозь хмель я действительно слышал его голос.

— И что же он сказал? — Юэ Чэньтань постарался смягчить тон, хотя сам оставался суров. — Он приказал вам сделать всё это? Но какой ему в том прок?

— Нет... — Е Линьфэн замялся, вынимая свой меч из ножен. Клинок предсказуемо развалился на две части. Он задумчиво пробормотал: — Приказ был совсем иным.

Меч был самым заурядным, но Е Линьфэн берег его как зеницу ока. Даже когда Юэ Чэньтань случайно повредил его щелчком пальца, он не собирался с ним расставаться. Меч был его единственным верным спутником; деньги деньгами, а по-настоящему подходящее оружие найти непросто.

Юэ Чэньтань напрягся, ожидая, что Е Линьфэн расстроится, обнаружив окончательную поломку, ведь тот сам его и уничтожил.

Однако Е Линьфэн, не отрывая взгляда от места разлома, вдруг тихо рассмеялся.

В этом смехе не было ни тени горя — лишь чистое, искреннее облегчение. Юэ Чэньтань невольно вспомнил вчерашнего безумца, одержимого демонической волей, его фразу «сломался — и ладно» и тот решительный, беспощадный удар.

Дерзко, свободно, легко.

Е Линьфэн с лязгом убрал обломки в ножны, и улыбка не сошла с его лица. Глядя на уничтоженное оружие, он чувствовал не жалость, а небывалую легкость, словно с его плеч свалилась неподъемная гора.

Сколько дней он дрожал над этим клинком? Латал его, чинил, использовал с предельной осторожностью, будто таскал с собой не меч, а бесценную семейную реликвию. Сам не заметил, как перестал летать на высокой скорости, начал бояться обнажать сталь в опасные моменты и каждое утро тратил время на осмотр каждой царапины.

Это изматывало душу, но он лгал себе, убеждая в своей «привязанности». На самом же деле он просто боялся. Боялся упреков, ворчания отца, последствий, о которых тот предупреждал. Страх превратился в привычку, заставив забыть истинную причину.

Он забыл, что теперь ему больше не нужно быть «послушным мальчиком» и потакать ожиданиям старших.

— Демонический почтенный семи отчаяний... — начал он, воскрешая в памяти тот властный голос. — Он велел мне отбросить все заботы, тревоги и путы. Отказаться от страха и полностью освободить себя.

Конечно, Линьфэн слегка приукрасил действительность.

На самом деле слова демона звучали куда короче: «Делай только то, от чего тебе будет в кайф, и ни о чем не думай. Вперед».

М-да.

Похоже, яд в его крови был непрост. Сложно сказать, на что рассчитывал Цицзюэ, давая такую установку, подобную гипнозу, но вряд ли он руководствовался добротой. В конце концов, для Демонического почтенного разница между добром и злом была несущественна — его заботило лишь то, скучно ему или весело.

Е Линьфэн невольно подумал: может, демон надеялся, что он пустится во все тяжкие? Ведь куда забавнее не отдавать марионетке прямой приказ вроде «соблазни первого встречного», а сказать «делай что хочешь» и наблюдать за хаосом чужих подавленных желаний.

Нет-нет-нет, о чем я вообще думаю?!

— Он... действительно так сказал? — Юэ Чэньтань в раздумье повторил эти слова. Он смотрел на Е Линьфэна с пониманием и смятением. — И потому ты совершил всё это?

— Да. Хотя я и не помню подробностей, но всё, что ты описал... именно этого я и желал в глубине души, — Е Линьфэн старался сохранять ясность взгляда, но на сердце у него кошки

скребли.

Этот Цицзюэ — настоящий мастер устраивать беспорядок. Теперь выходило, что Линьфэн украл славу у главного героя, Юэ Чэньтаня, да еще и выслужился перед Усянем, совершив благое дело!

В «Божественной книге» герою требовалось три дня, чтобы изловить духа ласки. Два дня уходило на расследование, а теперь... Линьфэн управился за сутки.

За сутки! Он совершил то, с чем не справились именитые мастера культивации!

Хотя, справедливости ради, одни просто искали не там, а другие умели только драться, но не расследовать. Дело было не в нехватке сил, а в досадном стечении обстоятельств.

И всё же... Его план по дискредитации собственного имени летел в бездну. Теперь все будут считать его героем!

Как всё исправить? Предложить Юэ Чэньтаню забрать славу себе? А причина? Даже если тот согласится, дух ласки может проболтаться. Беда...

— Господин Е... Господин Е?

Е Линьфэн так глубоко погрузился в свои мысли, что не сразу услышал, как Юэ Чэньтань зовет его.

— А? Что?

— Есть одна деталь, о которой я еще не упомянул. Вчера, когда вы были под влиянием Цицзюэ, произошли... и другие изменения.

Е Линьфэн вопросительно взглянул.

— Всё это, — Юэ Чэньтань неопределенно указал на уши и бабочек, — исчезло. На время вы снова стали таким, каким я увидел вас при первой встрече.

Е Линьфэн воодушевился, он с размаху хлопнул себя по колену:

— Правда?!

Юэ Чэньтань кивнул, не понимая его бурной радости:

— Вам не нравится этот облик?

— Конечно... то есть нет, он мне по душе, — Е Линьфэн осекся и потянулся к вину, чтобы скрыть смущение, но обнаружил, что кувшин пуст.

Юэ Чэньтань не стал говорить ему, что в хмельном состоянии тот совершенно не умеет пить и болтает лишнее. Уклончивость спутника натолкнула его на иные мысли.

Вероятно, это «нравится» было не совсем искренним. Одно дело — любить что-то по-настоящему, и совсем другое — наряжаться ради того, чтобы угодить кому-то другому.

Так ведь всё и объясняется, верно? Раз приказ демона велел отбросить всё лишнее и быть собой, Е Линьфэн подсознательно отбросил этот вычурный, кричащий маскарад.

Тот, ради кого господин Е так старается, явно его не заслуживает — к такому твердому выводу пришел Юэ Чэньтань. От этой мысли на душе стало тошно, и ему захотелось на что-нибудь отвлечься. Допрос духа-оборотня ласки он решил оставить Усяню, а сам предложил навеститься в западные предместья — проверить, почему животные, согнанные туда вчера, подозрительно притихли.

— Я быстро, туда и обратно.

— Погоди, — Е Линьфэн вскочил. — Я с тобой. Здесь мы закончили, если проблем нет, сразу покинем город.

После выходки Цицзюэ Е Линьфэн вдруг понял одну важную вещь: он был недостаточно решителен! Недостаточно капризен! Его сломанный меч — лучшее тому доказательство.

Десятилетняя привычка быть «правильным» въелась под кожу. Нельзя избавиться от оков послушного «Е Линьфэна» за пару дней безумных идей.

Он хотел радовать семью, приносить славу ордену... Эти стремления заставляли его осторожничать и чувствовать себя не в своей тарелке. Теперь, когда у него была «Божественная книга», он должен был отбросить условности и жить в свое удовольствие!

Слепо следовать плану и совершать безумства только ради того, чтобы о нем пошли дурные слухи — это слишком мелко. Пытаться казаться злодеем, дрожа от страха перед неудачей — разве это не новая форма рабства?

Раз уж он всё равно «обречен», то не стоит тратить остаток дней на то, чтобы изнурять себя сильнее прежнего!

Е Линьфэн решительно зашагал к выходу, оставив в храме даже дорогой столик, который простому смертному не купить и за всю жизнь. Подхватив связанного духа-оборотня ласки, который старался стать как можно незаметнее, он вышел наружу, не дожидаясь реакции Юэ Чэньтаня.

Он зашагал так легко и стремительно, что Юэ Чэньтань едва поспевал за ним.

— Что застыл? — обернулся Линьфэн. — Нам ведь нужно на окраину.

Теперь он хотел покончить с этим делом как можно скорее. Выполнить поручение Усяня и найти Цицзюэ.

А что потом?

А потом он приложит все силы, чтобы убедить Демонического почтенного даровать ему Семя Демонического сердца. И, если повезет, попросит вернуть ему память о тех моментах, когда яд лишал его рассудка.

Когда Е Линьфэн и Юэ Чэньтань достигли западных окраин, их встретила не вчерашняя суета звериного стада, а гробовая тишина.

Всего за одну ночь склон небольшого холма превратился в кладбище. Повсюду лежали туши птиц и скота — сотни голов. Смерть наступила недавно, а может, помогла разлитая в воздухе духовная энергия, но тела еще не начали гнить; шерсть и перья блестели на солнце, словно живые.

Они лежали ровными рядами, в мирных позах, будто просто уснули.

Если бы не тяжелый дух тлена, окутавший холм, трудно было бы поверить, что все они мертвы.

— Господин Е?..

Юэ Чэньтань в недоумении взглянул на спутника, ища ответа. Но Е Линьфэн выглядел еще более растерянным.

Он хотел спросить, чем Линьфэн кормил их вчера, когда уводил из города, но вовремя осекся, посчитав такой вопрос оскорбительным.

Е Линьфэн шагнул вперед, быстро справился с потрясением и принялся обходить ряды,

подсчитывая потери. Животные «уложили» себя так аккуратно, что это не заняло много времени.

— Восемьдесят процентов, — пробормотал он, словно обращаясь к самому себе. — Здесь восемь из десяти. Остальные куда-то исчезли. Одно можно сказать точно — они покинули город.

Юэ Чэньтань присел рядом с тушкой пестрого петуха, коснувшись ее ладонью:

— Остаточные следы мощной духовной энергии.

— Это самоубийство, — констатировал Е Линьфэн, стоя посреди павшего стада. — Вчера я дал им то, чего они желали больше всего на свете. Я не понимаю... почему они выбрали смерть? Неужели решили отблагодарить меня, предложив свое мясо?

Шутка вышла слишком горькой, никто не улыбнулся. Лишь связанный дух-оборотень ласки, которому только и не хватало, что оципывания и вертела, пронзительно запищал — видимо, изображая смех.

Дух-оборотень ласки забился в путах, и Юэ Чэньтань, заметив это, легким жестом снял с него часть ограничений.

К оборотню вернулся человеческий голос. Вместо звериного визга раздался хриплый смех молодого мужчины:

— Ты дал им настоящие пилюли? Ха-ха-ха-ха! Ты и впрямь думал, что им нужно именно это? Хочешь знать, почему они сдохли? Поймай кого-нибудь из тех двадцати процентов, что сбежали, и допроси — сразу всё поймешь.

Е Линьфэн резко обернулся, вперив в духа-оборотня ласки ледяной взгляд:

— Что ты имеешь в виду?

На этот раз Юэ Чэньтаню не пришлось накладывать заклятие — дух-оборотень ласки сам прикусил язык и больше не проронил ни слова, как бы его ни расспрашивали.

Юэ Чэньтань воспользовался паузой, чтобы уточнить:

— О каких пилюлях речь?

— Таинственная вода девяти небес.

Несмотря на громкое название, это снадобье было самым дешевым и распространенным в мире культивации. Его использовали для быстрого восстановления сил после истощения или чтобы облегчить прорыв на следующую стадию. Существовала вода и пилюли — эффект один и тот же.

Но эта магия не могла по-настоящему повысить уровень развития. Тот, кто полагался лишь на снадобья, обретал лишь видимость силы, которая рушилась при первом же настоящем столкновении. Более того, злоупотребление такой подпиткой приводило к катастрофе во время Небесного испытания. Мудрые практики никогда не полагались на этот «костыль».

Юэ Чэньтаню стало всё ясно. Услышав название лекарства, он смог связать воедино все нити этой истории.

Он обыскал духа-оборотня ласки и нашел мешочек, набитый испорченными при алхимии пилюлями.

Этот мусор был украден из Павильона бессмертной музыки — вернее, подобран из кучи брака, предназначенного на выброс. По составу они были близки к Таинственным пилюлям девяти небес, но их истинное действие предсказать было невозможно — никто в здравом уме не стал бы их глотать.

Весь скот в Оленьем городе внезапно обрел духовные силы, заговорил или изменился физически именно из-за этого брака.

Юэ Чэньтань вздохнул и негромко изложил свои выводы:

— Я-то думал, что этот прохвост сам настряпал настоящих пилюль, а при себе оставил лишь брак. Теперь ясно, почему другие мастера пошли по ложному следу. Даже крепкий человек без основ культивации может погибнуть, не выдержав мощи настоящей пилюли, что уж говорить о домашних животных?

Все решили, что зверью помогает какой-то невероятно могущественный демон. Ведь чтобы одновременно поддерживать разум в целом стаде, нужен как минимум тысячетный оборотень. А чтобы такой монстр скрылся в толпе и не был обнаружен великими бессмертными... он должен быть в сто крат сильнее.

Юэ Чэньтань снова посмотрел на примолкшего духа-оборотня ласки:

— Все искали великое зло, притаившееся в городе, и не могли найти. А ларчик просто открывался: слабый, никчемный демонический практик может спрятаться без всяких усилий. Ему не нужно скрывать ауру — она у него не сильнее, чем у обычной скотины.

Если бы животные с самого начала выпили настоящую «Воду девяти небес», они бы не дожили

до вчерашнего дня — их бы просто разорвало изнутри. Но по чистой случайности они съели брак. Пилули подействовали криво: вместо смерти они дали зверям хрупкую, призрачную магию и пробудили в них разум.

За эти месяцы их тела привыкли к энергии. Вчерашняя порция настоящей воды не должна была их убить. Даже если бы пара слабейших и сдохла, это не выглядело бы как массовая гибель. Вот это — единственное, чего я не понимаю.

Е Линьфэн, слушая его, невольно восхитился: Юэ Чэньтань недаром был главным героем. Даже когда Линьфэн перехватил инициативу, тот мгновенно раскусил суть происходящего.

Не хватало лишь деталей, которые можно было узнать только от самого духа-оборотня ласки или от местных жителей. Например, как эта тварь умудрилась скормить поддельное лекарство всему городу.

Впрочем, в «Божественной книге» это было расписано во всех подробностях:

«Этот пройдоха прикинулся странствующим бессмертным и втридорога впаривал жителям Оленьего города свое зелье, заливая соловьем: „У чудо-лекарства три выгоды, для скотины вашей — в самый раз! Первая выгода: разум пробудит, со скотиной говорящей хлопот меньше — прикажешь пахать, и пойдет как миленькая без понуканий. Вторая выгода: силушку даст непомерную, никакая хворь не возьмет, хоть бей, хоть ругай — не сломается. Третья выгода: мясо станет как у долгожителей, куры золотые яйца нести будут без остановки. С моим зельем обычный хлеб в райские кущи превратится, живите да радуйтесь!“»

Разумеется, горожане развесили уши. Но результат оказался далек от обещанного.

Животные действительно обрели разум и заговорили. Действительно стали сильнее и жили дольше — росли они теперь крайне медленно. Но вот вкус мяса... жителям Оленьего города так и не довелось его оценить.

С того дня покой в городе закончился.

Разум? Скотина начала торговаться с хозяевами, требуя лучших кормов, условий и «свободы слова» для коров и уток.

Сила? Досуг животных теперь состоял из тренировок; любая курица могла поднять взрослого мужика одной левой, связываться с ними никто не рисковал.

Долголетие? Жители поняли, что скорее сами состарятся и умрут, чем дождутся, пока их свинья околеет от старости.

Животные больше не желали идти на убой. Они восстали. Но так как пилули были

бракованными, мозгов у них прибавилось, да не в ту сторону.

Через месяц действие первой порции стало ослабевать. Звери начали глупеть и возвращаться к обычному состоянию. Но вместо радости пришла новая беда: у животных развилась зависимость.

Даже теряя дар речи, их тела и остатки разума помнили ту эйфорию. Город наполнился бесконечным ревом и воплями — жажда новой дозы не давала им покоя.

Когда дух-оборотень ласки снова появился в городе, люди бросились на него с вилами, но звери стеной встали на защиту своего «благодетеля», моля о новой порции.

Запасы у оборотня подходили к концу. А людей в Оленьем городе становилось всё меньше.

Брак давал зверям лишь зачатки сознания — они заговорили, но не обрели морали, не научились думать о последствиях. Они стали капризными и агрессивными, желая лишь сиюминутного удовольствия. Олений город превратился в зловонную помойку, заваленную навозом. Никто не пахал землю, не убирал урожай. Звери голодали, не умея добывать пищу сами, и в поисках пропитания подались в леса.

Там-то они и начали изводить настоящих лесных духов, живших на окраинах.

Е Линьфэн тяжело вздохнул. Он-то хотел как лучше: думал, настоящая магия даст им истинный разум, научит жить самостоятельно и защищать себя. Он надеялся, что они уйдут из города, найдут тихий уголок в горах и со временем станут настоящими демоническими практиками. Тогда бы и город вздохнул свободно, и звери перестали страдать.

Юэ Чэньтань молча положил руку ему на плечо. Большинство «пушистиков», что увязались за ними вчера, уже разбрелись по своим норам, возвращаясь к лесной жизни. Лишь маленькая панда продолжала тереться у их ног, преданно заглядывая в глаза в ожидании орешков.

— Но теперь я понял, — Линьфэн обвел взглядом туши. — Обрести истинный разум лишь для того, чтобы осознать: ты — всего лишь кусок мяса на убой. И лисы, и ласки, и змеи внушают людям трепет, их почитают как «великих бессмертных» и не смеют употреблять в пищу. Но курица? Свинья? Корова?

Про них никто не слагает легенд как о святых существах.

Они думали, что стали духами и заслужили уважение, но для людей они остались всего лишь обедом, который научился ругаться. Практика? Для домашней птицы и скота путь к бессмертию заказан.

Даже их единственный шанс на «новую жизнь» оказался лишь кучей гнилых пилюль и

нелепым фарсом.

Видимо, осознав это, они потеряли последнюю надежду — ту призрачную веру в чудо, которая одна только и могла оправдать их существование. Раньше или позже — смерть неизбежна. И лучше было уйти сейчас, сохранив достоинство, чем дожидаться дня, когда они снова превратятся в безмозглое стадо и попадут под нож.

Е Линьфэн замолчал и повернулся к Юэ Чэньтаню:

— Пойдем. Нужно доложить во владения Павильона.

В этот момент дух-оборотень ласки, молчавший доселе, снова подал голос, полный ядовитого сарказма:

— Ну что, теперь-то вы поняли? Для этой скотины куда милосерднее было оставаться безмозглой, жрать да гадить, не понимая, что их ждет топор. Это ли не счастье — умереть, так ничего и не узнав?

Ответом ему стало запечатывающее ограничение Юэ Чэньтаня.

Меч покинул ножны, наполнился энергией и завис в воздухе. Юэ Чэньтань встал на него и подождал, пока Е Линьфэн устроится рядом. Они взмыли в небо, направляясь к Павильону бессмертной музыки.

Дух-оборотень ласки болтался внизу, подвешенный на магической веревке.

Через некоторое время маленькая панда, притаившийся в складках одежды духа-оборотня ласки, осторожно высунул нос. Убедившись, что на него не смотрят, он шустро полез вверх по веревке и, к удивлению обоих практиков, вскарабкался на рукоять меча, а затем, переваливаясь, перебрался на спину Юэ Чэньтаня.

Она обернулась и встретилась взглядом с Е Линьфэном.

—...Правда, орешков больше нет.

Юэ Чэньтань тоже заметил «зайца». Прежде чем малая панда успела вцепиться в порхающую рядом бабочку, он снял его со своего плеча за загривок.

— Ладно уж, раз мы так далеко отлетели, пусть остается. Видимо, хочет познакомиться с моими родителями.

— А твои родители его не съедят? — невольно вырвалось у Е Линьфэна.

Насколько он помнил, родители Юэ Чэньтаня были не из тех, кто брезгует мясом, да и их истинными формами были хищники — питон и орел.

Юэ Чэньтань на мгновение выглядел странно:

— Они... такое не едят.

— А что, он невкусный?

Панда, понимавшая человеческую речь, замер в ужасе.

Юэ Чэньтань со вздохом повернулся к Линьфэну:

— Господин Е, ну не пугайте вы его.

Е Линьфэн наконец успокоился, и его настроение заметно улучшилось после маленькой шутки над зверьком.

По прибытии в Павильон бессмертной музыки их ждала новость: золотая маска Усяня была повреждена, и он пока не может принять гостей. Было велено передать духа-оборотня ласки слугам, а любые награды и просьбы они вольны предъявить в любое удобное время.

— Награда? Я уже всё решил. Передайте вашему господину: я хочу встретиться с Демоническим почтенным семи отчаяний. Пусть Усянь окажет мне любезность и посодействует в этом деле.

Слуга, не раздумывая, отправился докладывать, оставив Линьфэна и Юэ Чэньтаня одних.

— Господин Е, почему бы не попросить у Усяня противоядие?

«Потому что оно мне даром не нужно».

Вслух он этого, конечно, не сказал. Е Линьфэн усмехнулся и, приняв вид безнадежно влюбленного безумца, мечтательно произнес:

— Видел я того почтенного... Красив, шельма, статен, взгляд так и искрится... Характер — кремень, мощь — неопишная. В общем, запал он мне в душу. Хочу с ним вина выпить да потолковать о жизни.

Юэ Чэньтань нахмурился, явно не веря ни единому слову:

— Господин Е, шутка несмешная.

— Что ж, раз не веришь в мои чувства, значит, у меня другие цели, — Линьфэн бросил на него короткий взгляд и, не желая пускаться в объяснения, зашагал прочь.

Опасаясь, что Юэ Чэньтань снова бросится за ним с нотациями, он махнул рукой на прощание:

— Бывай!

У Павильона была Платформа встречи господ, но была и Платформа проводов гостей — она располагалась чуть ниже, на корме огромного судна-дворца, и служила одновременно причалом для лодок и местом взлета. Спустившись по лестнице, Е Линьфэн, лишенный сейчас возможности летать на мече, нанял крытую лодку, чтобы покинуть озеро Вань-юэ.

Чтобы Усянь не вздумал ему отказать, Линьфэн подстраховался: отправил «Передачу голоса на тысячу ли» Су Сюэ, главному красавцу Павильона. Он просил сообщить ему первым делом, как только Цицзюэ снова объявится в заведении, обещая в долгу не остаться — дескать, куплю тебе всё, что за деньги продается.

Солидное послание вышло: с приветствием, просьбой и обещанием щедрой платы.

Су Сюэ ответил мгновенно и коротко:

«Ты что задумал?»

Е Линьфэн опешил.

Что за манеры у этих людей? Неужели им не жалко духовной энергии на такие пустые сообщения? Ладно Юэ Чэньтань — у него силы через край, но Су Сюэ-то куда лезет со своими вопросами?

Что за времена пошли!

Не желая раскрывать карты и рискуя, что Су Сюэ настучит своему хозяину, Линьфэн лишь бросил в ответ: «Просто знай: ни тебе, ни Павильону хлопот я не доставлю. Скоро сам всё увидишь».

Покинув озеро, Е Линьфэн сверился с «Божественной книгой» и направил свой путь к ближайшей точке, где судьба обещала ценную находку.

Согласно книге, там находилось место упокоения могущественной женщины-демона-культиватора. Перед смертью она не пожелала, чтобы ее кончину обнаружили, и на остатках сил создала хитроумный массив-лабиринт. Используя ландшафт и магию, она расставила ловушки, спрятав свое тело и верный меч в самой глубине. Окрестности превратились в гибкое место, откуда живым возврата не было.

Со временем магия массива ослабела, и вскоре туда должен был забрести везучий юнец, который и заберет сокровище. Но так как меч подходил только демоническим практикам, парень позже продаст его, раскрыв тайну исчезновения легендарной воительницы.

Меч, чей дух давно покинул сталь вслед за хозяйкой, идеально подходил Е Линьфэну в качестве временного оружия. Ему повезло: если бы дух меча был жив, забрать клинок было бы невозможно.

Поиски заняли день, еще шесть-семь дней ушло на блуждание в тумане, преодоление ловушек и опасных зон, где малейшая ошибка стоила бы ему жизни. Наконец он добрался до центра массива, где в нетронутом виде лежали останки и торчал из камня меч.

Покойница при жизни явно была не дуршнецом. Она не только сохранила свое тело нетленным с помощью отдельного заклинания, но и оставила на скале кучу надписей.

На камне, где покоился меч, было высечено: «Кто вытащит — того и меч. Не сможешь вытащить — трижды бей челом, не то проклянута до седьмого колена».

Рядом лежала куча камней-накопителей с припиской: «Состояние целое. Тратить нельзя — жги мне бумажные деньги для загробного мира, не то проклянута».

Сложенные стопкой свитки с техниками гласили: «Даже если выучишь всё — такой красавицей, как я, не станешь. Смерти всё равно не миновать».

Она даже укрылась одеялом — не с головой, разумеется. Надпись рядом гласила: «Если начну гнить — прикопайте, будьте лаской».

В самом конце было некое подобие завещания: «Старушка нагулялась всласть, больше никакой культивации. Помираю и призраком становиться не желаю — нудила это смертная. Увидимся в следующей жизни. Кто меня любил — храните верность, кто не любил — держитесь подальше от тех, кто любил, а то они злые. Культивировать тяжело, испытания — дрянь, а любовь — полная чушь...» И еще гора подобных разглагольствований.

Е Линьфэн читал и проникался невольным уважением. Если уж умирать, то с таким же юмором.

Впрочем, сам он умирать не собирался. Даже если тело подведет, он готов продолжать путь

как призрачный практик. Неужели она так шутила только потому, что сама уже готовилась сменить форму бытия?

Он подошел к камню, уперся ногой, обхватил рукоять меча обеими руками и рванул изо всех сил —

И с грохотом полетел на спину, задрал ноги.

Проклятое завещание! Он-то думал, раз нужен «избранный», значит, меч сидит намертво! Рванул так, что искры из глаз посыпались, а клинок вышел из камня как по маслу!

В «Божественной книге» об этом — ни слова, только сухие факты!

Не успел он подняться, как камень отозвался раскатистым хохотом. Линьфэн вздрогнул, но быстро понял: это не призрак, а всего лишь «остаточная мысль» — крошечный осколок воли покойной.

Обычно это что-то важное, заветное, что человек не смог отпустить перед смертью.

И что же это? Последним желанием этой почтенной дамы было посмотреть, как кто-то шлепнется на задницу, вытаскивая ее меч?!

Ну, упокойтесь же с миром, ради всего святого...

Е Линьфэн, не зная, смеяться ему или злиться, поднялся и отряхнул пыль. Наконец-то он выбрался из этой ловушки. Демонический меч был не слишком удобен для праведного практика, но за неимением лучшего сойдет.

Согласно сюжету книги, к этому времени весть о подвигах Юэ Чэньтаня в Оленьем городе уже должна была разлететься по всему свету. Е Линьфэн подозревал, что своими действиями подпортил славу главному герою, и на привале стал прислушиваться к разговорам прохожих.

Через неделю он добрался до чайной у почтового тракта.

В таких местах чай — лишь предлог. Главное здесь — сплетни и новости со всех концов света. И в мире «Божественной книги» чайные были главными рассадниками слухов.

По сюжету, разговоры должны были звучать так:

«— Слыхали?! В Оленьем городе бессмертный мастер наконец-то извел всю нечисть!

— Какой там мастер, не величай его так, бессмертным это не по нраву. Да и новость твоя бородой обросла, у меня свежее есть.

— Неужто про того самого юношу? Я тоже слышал — молодой совсем, Юэ, кажется. Помнится, он еще того змея в Туцю прищучил! Говорят, он всего за три дня весь город очистил! Три дня! Матерые старцы не справились, а он в одиночку одолел демона тысячетного...

— Это вы у меня спросите, я сам мимо проезжал, всё видел! Битва была — небо с землей сошлись, солнца не видать! А как начал этот Юэ испытание проходить — восемьдесят одна молния, и все в демона! Какие там три дня? За сутки управился, остальное время гору трупов разгребал — туши-то с гору величиной, все улицы завалило!»

Е Линьфэн ожидал, что теперь в этих небылицах появится и его имя. Интересно, будут ли его превозносить так же безбожно, как Юэ Чэньтаня?

<http://bllate.org/book/17497/1713254>